

13 ФЕВ 1981

ВНИМАНИЕ ДОБОРЕНИЕ Г. МОСКВА

2207
К 150-летию со дня рождения Н. С. ЛЕСКОВА

САМОБЫТНЫЙ ТАЛАНТ

В 1894 ГОДУ — в последний год своей жизни — тяжелобольной Лесков в одном из писем со спокойным достоинством повторил известные пушкинские слова: «Думаю и верю, что «весь я не умру...».

Теперь, когда Лесков обрел столь огромную читательскую аудиторию, становится особенно очевидным, что этот писатель имел свои права на веру в творческое бессмертие. «Тайна» удивительной «жизнеспособности» самобытного таланта Лескова — в органической, кровной связи писателя с народной Россией, полномочным выразителем интересов которой он ощущал себя с первого же момента своего вступления на литературное поприще.

Выросший в отдалении от обеих столиц, на Орловщине, исколесивший за годы своей долитературной чиновничьей и коммерческой службы из конца в конец всю Россию, Лесков впоследствии с особой «плебейской» гордостью противопоставлял себя литераторам, не прошедшим подобной школы глубокого практического знакомства с жизнью «пахатной Руси», знавшим народ лишь по книжкам да по разговорам «с петербургскими извозчиками». Писа-

тельство Лескова берет свои истоки именно в этом раннем периоде его жизни, когда он «не изучал народ», а просто жил с ним.

Сын переходной эпохи русской жизни, когда после долгих лет крепостнического застоя в России в 1860-е годы «распочиналась» новая пора «очищения» и долгожданных исторических перемен, Лесков не в силах довольствоваться ролью стороннего наблюдателя кричащих противоречий русской жизни, противоборства ее старых и новых тенденций.

Желая активно воздействовать на ход событий, Лесков со всей присущей ему одержимостью и энергией включается в литературную работу, которая сразу же становится для него средством общественного служения. С презрением и негодованием отвергает он все толки о так называемом «чистом искусстве», с насмешливой пренебрежительностью отзывается о произведениях, далеких от злобы дня, построенных по формуле «влюбился да женился» или женился да застрелился». И как журналист-газетчик, и как автор рассказов и повестей из народного быта Лесков настойчиво стремится всемерно активизировать рост общественного

самосознания, привлечь внимание читателей к самым «больным», «ноющим», «неотразимым» вопросам общественному и семейному быту, выставить напоказ все то, что несет на себе отпечаток долгого господства в жизни — в самых разных ее сферах и более всего в сфере «обыденной этики» — «духовного крепостничества»: безудержность деспотического своеволия одних людей и холопскую «притрепетность» других, невыработанность самосознания в низовых общественных слоях, бесстыдство и цинизм берущих взятки чиновников, невежество народа, страдающего от отсутствия школ, гражданский индифферентизм образованной части общества, оказавшейся неспособной к консолидации усилий во имя защиты самых существенных интересов народного блага.

Наступательный воинственно-демократический пафос литературных выступлений Лескова имел много общего с освободительными и гуманистическими тенденциями всей демократической литературы 1860-х годов.

Однако демократизм Лескова имел свои особенности: он нес в себе черты истори-

ческой ограниченности социально-политического сознания тех самых слоев патриархально настроенного крестьянства, с которыми прежде всего сопрягал писатель свое представление о настоящем и будущем русской жизни. С этим связано решительное неприятие Лесковым идей революционного преобразования жизни и его очень резкая полемика с ними, сыгравшая роковую роль в литературной судьбе автора романов «Некуда» и «На ножах».

Но и в пору разрыва Лескова с революционно настроенными современниками главной направленностью его творческой деятельности была созвучной важнейшим требованиям времени, которые с наибольшей четкостью и последовательностью выражала революционно-демократическая критика: в центре его внимания именно та народная Россия, потаенные противоречия ее жизни, ее беды и ее зреющие силы, которые предстояло заново открыть русской литературе.

Вопреки распространенным тогда в литературных кругах опасениям насчет того, что народная среда в силу своей бедности и неразвитости якобы не может по-

служить благодатной почвой для создания полнокровных художественных типов, Лесков именно в этой низовой, оторгнутой от книжной культуры среде обнаруживает значительные, сильные, оригинальные характеры, воплощающие собой неизбывные силы народа. Его «черноземные» герои достойно продолжают созданную Тургеневым в «Записках охотника» галерею «живых душ», в свое время восхитившую Лескова «верностью представлений» о народной жизни. Таковы первая гостомельская пещельница Настя («Житие одной бабы»), изографы-раскольники («Запечатленный ангел»), казакущий дьякон Ахилла, в котором одним «тысяча жизней горит», благородный и верный Аркадий («Тупейный художник»), способный силой своего высокого искусства «очеловечить» даже звероподобное лицо графа К., грубого и жестокого деспота.

Автор «Соборян» и «Очарованного странника» сам носил в себе родственное героям этих книг ощущение огромности плещущих в нем и ищущих своего выхода богатых сил. В одном из дружеских писем Лесков однажды признается, что он

перою чувствует себя «как Микула Селянинович», которого «тяготила тяга» знания родной земли». С этим связана исключительная по своему размаху, напряжению и интенсивности многообразная литературная деятельность писателя, подлинными размерами которой еще недостаточно строго определены, так как огромная масса его газетных очерков, рассказов, а особенно статей и обозрений остается, к сожалению, не собранной и не атрибутированной.

При всем пристрастии к характерам, отмеченным печатью национального своеобразия, в отличие от литераторов славянофильского направления Лесков чаще всего далек от стремления к апологии «русских начал». Более того, подобную узкую «направленскую» тенденцию он считает вредной для интересов национального развития. Поэтому он не только восхищается обычно богатой и многообразной артистической одаренностью своих любимых героев, которые «все могут», не только дивится неумности их живых порывов к подвигам и полной слиянности с родной землей, всем целым русской жизни, не только с глубоким уважением следит за прояв-

лением чудесной способности этих простых людей претерпевать значительные нравственные метаморфозы, приближающие их к идеалам добра и истины. Каждый из таких характеров Лесков стремится обойти «кругом». И тогда от критического взгляда писателя не ускользает и младенческая неразвитость сознания его героев, и тяготеющая над ними «власть тьмы», власть поверий, «лыгенд», суеверий и предрассудков, существенно ограничивающая проявления их личностной энергии, сковывающая их творческие возможности и свободу воли. В поле наблюдения Лескова и патриархальная привычка простого человека к пассивному дремотно-созерцательному существованию, и известная леньность его души, и — что, по его убеждению, особенно важно, — «чрезмерный», стихийный характер обуревающих их страстей, чреватых поэтому трагическими коллизиями.

Критицизм Лескова в отношении к общему состоянию жизни и положению в ней отдельной личности, а вместе с тем и ко всем институтам государственности и церковности особенно усиливается в последний, завер-

шающий период его творчества, который падает на годы общественной реакции. В это время он создает сатирические произведения большой обличительной силы: «Административная грация», «Загон», «Заячий ремиз», «Чертовы куклы».

Однако, как ни велик в это тяжелое время соблазн скептицизма, Лесков не изменяет своей вере в высокое назначение литературы служить «строению ума и души», выводить людей «из тьмы к свету», укреплять в сердцах тягу к добру ради самого добра. В письме к молодому начинающему литератору писатель советует: «Помни Гете: «Не всегда необходимо, чтобы истинное (сейчас) воплощалось: достаточно, чтобы оно духовно витало перед нами и вызывало согласие, чтобы оно, как звук колокола, гудело в воздухе».

Глубокая укорененность творчества Лескова в почве народной жизни, его многообразные живые связи с эпохой, потребовавшей пересмотра всех нравственных понятий, его неизменная обращенность к высокому гуманистическому идеалу — все это делает наследие писателя большим и вечно живым явлением нашей национальной культуры.

И. СТОЛЯРОВА,
доктор филологических наук.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ Н. С. ЛЕСКОВА

МНОГОЧИСЛЕННЫ и разнообразны издания произведения Н. С. Лескова, приуроченные к юбилею писателя. Сохранение сочинений в пяти томах тиражом 600 млн. экз. выпускает издательство «Правда». Полумиллионным тиражом в серии «Классики и современники» выйдет книга повестей и рассказов.

Произведения Н. С. Лескова выпускают в этом году издательства — «Молодая гвардия», «Советская Россия», «Днипро», «Детская литература», Центрально-Черноземное (Воронеж), Средне-Уральское (Свердловск), Южно-Уральское (Челябинск), Хабаровское, «Карелия» (Петрозаводск), Красноярское, Магаданское, «Эсти раамат» и др.

Интересно издание «Левши» в серии «Книга и время» (издательство «Книга»). Во вступительной статье рассказывается о творческой истории, читательской и издательской судьбе этого произведения. В Библиотеке «Любителям российской словесности» («Современник») выйдет книга В. Семенова «Николай Лесков», а в Массовой историко-литературной библиотеке («Художественная литература») — книга Б. Дыхановой «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» Н. Лескова».

По сведениям Всесоюзной книжной палаты на 1 декабря 1980 г., произведения Н. С. Лескова издавались в нашей стране за годы Советской власти 215 раз общим тиражом 25 млн. 990 тыс. экз. на 21 языке народов СССР и зарубежных стран.